

Научная статья | Original paper

Черты личности как предиктор кибервиктимности (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и кибервиктимного поведения)

Е.В. Камнева¹, М.М. Симонова^{1✉}

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
✉ mmsimonova@fa.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Рост киберпреступности, которая стала частью повседневной жизни, представляет большую угрозу для общества в условиях цифровизации. С учетом современных условий ожидается, что в будущем кибервиктимизация будет только расти, а психосоциальные проблемы кибервиктимизации могут иметь негативные последствия в дальнейшей жизни.

Цель: провести теоретический анализ исследований личностных черт, связанных с кибервиктимизацией. **Гипотеза.** Ключевые черты из модели личности «Большой пятерки» (т. е. экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыта) жертв киберпреступности отличаются от аналогичных черт жертв традиционной преступности. **Методы и материалы.** Методологическое основание исследования состоит из изучения и анализа научной литературы по развитию киберпреступности и ее профилактике, а также по кибервиктимологии. Методики исследования: шкала кибервиктимизации Д.В. Жмурова; шкала оценки формирующейся взрослости (IDEA-R) (адаптировано по: Reifman et al., 2007); краткая версия Big Five Inventory-2 (BFI-2-S). Выборка исследования состоит из 64 человек (32 респондента женского пола и 32 — мужского) в возрасте от 18 до 25 лет.

Результаты. 1. Низкий уровень добросовестности и высокий уровень нейротизма и открытости опыта имеют взаимосвязь с риском кибервиктимизации. Сравнение между жертвами киберпреступности и жертвами традиционной преступности показывает, что низкий уровень нейротизма сопряжен с меньшей вероятностью стать жертвой киберпреступности, чем традиционной преступности. 2. Существуют отличия во взаимосвязи черт личности и виктимизации в различных видах киберпреступлений. Связь нейротизма и открытости к кибервиктимизации при буллинге была значимой и положительной, а нейротизм также может предсказывать кибервиктимизацию. Показатели добросовестности имеют значимую и отрицательную связь с виктимизацией онлайн-запугиванием.

Выводы. Выявленные черты личности, как предиктор кибервиктимности, могут

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

применяться для прогнозирования виктимизации от киберпреступности, что
позволит более эффективно проводить превентивные меры.

Ключевые слова: кибервиктимность, киберпреступность, черты личности, Большая
пятерка, интернет-мошенничество, кибербуллинг

Для цитирования: Камнева, Е.В., Симонова, М.М. (2025). Черты личности как предиктор
кибервиктимности (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и кибервиктимного
поведения). *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 133—149.
<https://doi.org/10.17759/epps.2025020409>

Personality traits as predictors of cybervictimization (a study of the correlation between the Big Five traits and cybervictim behavior)

E.V. Kamneva¹, M.M. Simonova¹✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian
Federation

✉ mmsimonova@fa.ru

Abstract

Context and relevance. The rise of cybercrime, which has become a part of everyday life, poses a significant threat to society in the context of digitalization. Given current conditions, cybervictimization is expected to only increase in the future, and the psychosocial problems of cybervictimization may have negative consequences later in life. **Objective:** to conduct a theoretical analysis of research on personality traits that are associated with cybervictimization. **Hypothesis.** The key traits from the Big Five personality model (extraversion, agreeableness, conscientiousness, neuroticism, and openness to experience) differ in victims of cybercrime from victims of traditional crime. **Results.** 1. Low levels of conscientiousness and high levels of neuroticism and openness to experience are associated with the risk of cybervictimization. A comparison between victims of cybercrime and victims of traditional crime shows that low levels of neuroticism are more closely associated with a lower likelihood of becoming a victim of cybercrime than of traditional crime. 2. There are differences in the relationship between personality traits and victimization in different types of cybercrime. The relationship between neuroticism and openness to cyberbullying victimization was significant and positive, and neuroticism may also predict cyberbullying victimization. Conscientiousness indicators were significantly and negatively associated with online bullying victimization. **Conclusions.** The identified personality traits, as predictors of cyberbullying, can be used to predict cybercrime victimization, allowing for more effective preventive measures.

Keywords: cyber victimization, cybercrime, personality traits, Big Five, internet fraud, cyber bullying

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

For citation: Kamneva, E.V., Simonova, M.M. (2025). Personality traits as predictors of cybervictimization (a study of the correlation between the Big Five traits and cybervictim behavior). *Extreme Psychology and Personal Safety*, 2(4), 133—149. <https://doi.org/10.17759/epps.2025020409>

Введение

Актуальность. Количество пользователей сети Интернет увеличивается с каждым годом, и так же растет количество киберпреступлений различных форматов. Каждый слышал о киберпреступлениях или непосредственно сталкивался с ними, причем данные случаи происходят во всем мире, они не имеют территориальных или иных границ, что усложняет ситуацию. Киберпреступления происходят каждый день, и, к сожалению, с каждым годом их количество увеличивается, а способы и методы их совершения становятся все более разнообразными, отчего определять их тяжелее (Сейранян, 2025). Помимо того, что существует необходимость грамотного просвещения пользователей сети Интернет относительно безопасного пользования информационными ресурсами, существует также необходимость выявления склонности людей быть в позиции кибержертвы (склонность к кибервиктимизации в целом). Нужно это для того, чтобы понимать, на чем именно могут акцентировать внимание киберпреступники, завлекая пользователей в свои «сети», а также по каким критериям выявляются неспособные сопротивляться киберпреступлению люди. Кроме того, знание коррелятов кибервиктимного поведения позволяет нам лучше понять, почему те или иные пользователи становятся кибержертвами и как им можно помочь в дальнейшем минимизировать данную вероятность. Учитывая быстрый темп развития киберпреступности, можно констатировать, что способы ее приостановления или сокращения не особо действенны. Большинство научных статей и работ направлено на анализ существующей литературы по данной теме и выработку профилактических рекомендаций, но помимо этих аспектов стоит обратить внимание также и на то, что общего между кибервиктимными пользователями и каким образом кибервиктимность можно регулировать (Аносов, 2021).

Проблема исследования заключается в том, что, какими бы ни были мотивационные корреляты кибервиктимного поведения у молодежи, и как бы много ни было различных рекомендаций по информационной безопасности, процент раскрытия данных преступлений правоохранительными органами остается небольшим — всего лишь 26,6% (Никульченкова, 2023).

Этот факт говорит о том, что на данный момент задача противостоять киберпреступности для правоохранительных органов является трудной, в связи с чем не все кибержертвы обращаются к ним за помощью, и в большей степени пользователям информационных ресурсов/мессенджеров/сети Интернет в целом следует стараться обезопасить себя от возможных кибератак самостоятельно. Проблемой также является и то, что с развитием искусственного интеллекта усложняется возможность отличить действительное от фейкового, как бы технически развит ни был человек. Например, с помощью искусственного интеллекта киберпреступники создают голосовые/видеосообщения, в которых практически невозможно отличить созданные нейросетью голос/внешность какого-либо человека от действительных, и через эти голосовые сообщения или видеосообщения киберпреступники просят о денежных

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

одолжениях (или запрашивают определенные конфиденциальные данные и т. д.) знакомых или друзей того человека, чей голос / внешний вид имитировал искусственный интеллект. Соответственно, предупредить киберпреступление не всегда просто, и даже технически образованный человек может оказаться кибержертвой (Позднякова, Брюно, 2024).

В то время как мы часто слышим слова «виктимизация» (которое относится к склонности человека становиться жертвой преступления в силу своих физических или психологических характеристик, а также социальной среды в целом) и «преступление», понимаем их значение, такие понятия, как «сетевая виктимизация» и «киберпреступность», знакомы не всем, и это необходимо учитывать, поскольку киберпространство доступно каждому человеку, живущему в цивилизованном обществе.

Киберпреступность определяется как «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» (Жакупжанов, 2019).

Под цифровой виктимизацией предлагается понимать процесс превращения потенциальной жертвы в реальную, а также вред (результат) от преступления, совершенного с использованием цифровых технологий (Майоров, 2022).

По сути, цифровая виктимизация и есть кибервиктимность, с тем лишь отличием, что приставка «кибер» не закреплена законодательными актами и не фигурирует в них, поэтому мы понимаем цифровую виктимизацию так же, как и кибервиктимизацию.

Многие сталкиваются с предупреждениями от близких и родных людей о том, что стоит избегать интернет-знакомств, не отвечать на сообщения от незнакомых людей, не переходить по ссылкам, которые указаны в сомнительных сообщениях/сайтах и т. д. Однако при этом наблюдается низкая киберграмотность среди населения и недостаток общественного и индивидуального понимания способов обеспечения технологической безопасности и защиты личных данных.

В связи с тем, что киберпреступность постоянно мимикирует и приобретает различные формы и виды, пользователям Интернета не всегда удается отличить действия реальных и добросовестных пользователей от действий киберпреступников (Сейранян, 2025). Исследователи, изучающие психологию киберпреступника, отмечают, что в существующих взаимосвязях «преступник — предмет преступления» и «преступник-потерпевший» происходит изменение при осуществлении преступления в киберпространстве: «преступник — электронное устройство (сеть) — потерпевший (предмет преступления)» (Жакупжанов, 2019). В таком случае киберпреступник может действовать без прямого социального контакта, что облегчает проявление обмана и мошенничества: получить доверие собеседника через Интернет проще, так как собеседник не видит лица и внешних поведенческих характеристик киберпреступника — соответственно, ориентируется лишь на написанные им сообщения, в некоторых случаях и на аудио/видеосообщения, которые были сгенерированы с помощью искусственного интеллекта.

Для киберпреступника его жертва становится объектом, так как в цифровом мире гораздо проще рассмотреть пользователя не как отдельную личность, со своими правами и свободами,

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

а как аккаунт в соцсети/мессенджере, о чувствах которого можно и не задумываться. Возможность киберпреступника оставаться анонимным в сети Интернет тем более позволяет ему делать все, что ему необходимо, без замешательства. Тем не менее, различные виды киберпреступлений приводят к проявлению виктимности, что мы сейчас и рассмотрим. Кибервиктимизация отдельных лиц или межличностная кибервиктимизация предполагает то, с чем чаще всего и сталкиваются кибержертвы в возрасте от 18 до 25 лет.

Но кто чаще подвергается киберпреступлениям и кто чаще проявляет кибервиктимное поведение: мужчины или женщины? Однозначного ответа исследователи в области кибервиктимологии не дают, так как в определенных выборках преобладают женщины, а в других — примерно равное соотношение. Действительно, ответить на этот вопрос однозначно на данный момент кажется невозможным: как мужчины, так и женщины склонны проявлять кибервиктимность, отличие лишь в том, что она проявляется по-разному и в разных сферах. 54,8% пользователей сети Интернет составляют мужчины, 45,2% — женщины, и практически в таком же процентном соотношении определяется количество кибержертв (Жакупжанов, 2019). Если говорить о киберпреследовании, то, по данным другого исследования, процентное соотношение между мужчинами и женщинами 73% на 27%, т. е. киберпреследователями чаще являются мужчины (Jaishankar, 2020). До сих пор нет четкого определения того, представители какого пола больше склонны к кибервиктимизации. Но можно отметить случаи киберпреступлений, в которых большую кибервиктимизацию проявляют мужчины, нежели женщины, и наоборот.

Кибербуллингом чаще занимаются мужчины (около 80%), нежели женщины. (Kaluarachchi, Sedera, Warren, 2021). Можно предположить, исходя из процентного соотношения, указанного выше, что кибербуллинг они проявляют больше по отношению к женщинам, нежели к мужчинам. Существуют данные некоторых исследований о том, что мальчики чаще становятся жертвами физического насилия, тогда как девочки более склонны к психологической виктимизации (Сейранян, 2025). Кроме того, исследования показывают, что уровень традиционного насилия в старших школьных классах снижается, в то время как связь между кибертравлей и успеваемостью в школе остается противоречивой.

Женщины склонны к кибервиктимизации в случае одиночества, в силу которого они ищут общения и поддержки в Интернете, испытывая дефицит близких друзей и поддержки от семьи (Bayat, Kiani, Asadi, 2021). Например, для домохозяйки, которая большую часть времени находится дома и ежедневно выполняет одни и те же возложенные на нее рутинные обязательства, общение с незнакомцем в сети может привести к эмоциональной привязанности, благодаря чему становится значительно проще провести манипуляции и шантаж по отношению к кибержертве (Kaluarachchi, Sedera, Warren, 2021). Также известно, что женщины реже подают заявления на киберпреступников, что связано со страхом осуждения и навязывания им вины за то, что с ними произошло, ведь по отношению к женщинам общество проявляет это гораздо чаще, чем к мужчинам. Особенно сложно тем женщинам, которые оказались жертвой киберпреследования или онлайн-порнографии/секстинга (как при добровольном согласии, так и при принуждении), ведь общество склонно осуждать женщин за подобные действия (Jaishankar, 2020).

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

Если перейти непосредственно к общим факторам кибервиктимного поведения, то стоит отметить наличие двух используемых исследователями теорий кибервиктимологии при рассмотрении данного вопроса.

Одна из них — теория потока, автором которой является Михай Чиксентмихай, американский психолог венгерского происхождения, профессор психологии. Она предполагает ощущение счастья и приятных эмоций, появляющихся при достижении каких-либо поставленных целей, сопровождающихся увлекательной деятельностью, при выполнении которой человек максимально погружен в совершение тех или иных действий. В рамках кибервиктимологии данная теория рассматривается как используемая киберпреступниками схема для наибольшего воздействия на кибержертв и на еще большее проявление их кибервиктимизации.

С.В. Белинская и другие авторы в научной публикации «О некоторых психологических механизмах формирования кибервиктимного поведения молодежи» представляют алгоритм формирования кибервиктимного поведения с помощью использования состояния потока (Белинская и др., 2019):

1. Вовлечение и погружение потенциальной кибержертвы в определенный вид деятельности в киберпространстве — этот пункт характеризуется вовлечением кибержертвы в любую потенциально интересную для нее деятельность, будь то игровая, познавательная или трудовая. Когда киберпреступник дает необходимую информацию кибержертве, а именно о целях деятельности, о ее правилах, которые нужно соблюдать, о возможных результатах, он заинтересовывает и задерживает внимание кибержертвы, формирует ее мотивацию и получает ее внимание;

2. Провоцирование психоэмоционального потокового состояния, обеспечение и закрепление позитивного опыта потока у потенциальной кибержертвы — когда есть конкуренция (не самая жестокая), мотивация кибержертвы не падает, тем более если есть похвала и репутационное развитие, которое озвучивает киберпреступник. Получая обратную связь и одобрительные слова, кибержертва начинает больше раскрываться перед киберпреступником, больше ему доверять и менее критично оценивать его слова и поступки;

3. Осуществление негативного манипулятивно-provokacionного виктимизирующего психологического воздействия на потенциальную кибержертву — на данном этапе происходит закрепление состояния потока кибержертвы, при котором киберпреступник дает ей провокационное, рискованное задание, которое необходимо выполнить в кратчайшие сроки, что еще больше привлекает кибержертву к его выполнению без размышлений о том, что может за собой повлечь выполнение данного задания.

Еще одна теория, рассматриваемая в рамках формирования кибервиктимности, — теория рутинной деятельности (Cohen, Felson, 1979). В ее рамках предполагается, что для совершения какого-либо преступления должны сойтись три пространственно-временных фактора. Первый из факторов — мотивированный(-ые) преступник(-и), т. е. человек, истинно желающий

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

совершить преступление и имеющий для этого собственную мотивацию. Второй — определенная цель. Она должна подходить преступнику, поэтому существует набор критериев, на которые преступник обращает внимание при выборе своей цели — VIVA: V — value (ценность), I — inertia (инерция), V — visibility (видимость), A — access (доступ). Ценность подразумевает значимость данной цели для преступника, инерция относится к физическим препятствиям на пути к цели (вес, рост, сила и т. д.), видимость — это о возможности преступника совершить преступление по отношению к цели, а доступ определяет, насколько вероятно преступнику встретить цель. Третий фактор — отсутствие способного опекуна, т. е. отсутствие человека или определенного объекта, который способен предотвратить совершение преступления.

В целом, наличие социальной поддержки в любом случае очень важно, особенно с учетом того, что кибержертва после того, как она пережила киберпреступление, чувствует стыд, тревогу, страх, гнев и т.д. Если кибержертва не получает эту поддержку, то склонность к дальнейшей кибервиктимизации становится более проявленной. Данная теория часто используется в криминологии, ведь когда дети, подростки, молодые люди, да и люди других возрастов, находятся в Интернете, онлайн в какой-либо социальной сети и т. д., они не всегда имеют рядом способного опекуна — их активность в сети не всегда контролируется (Hawdon, Parti, Dearden, 2020).

Помимо данных теорий, которые описывают некоторые факторы, влияющие на проявление кибервиктимности, есть и другие, психологические и социальные. Стоит отметить, что важным критерием кибервиктимности является отсутствие установленных защитных программ на цифровых устройствах, что делает рискованным любое действие в киберпространстве. Сюда же стоит отнести и недостаток грамотности пользователей Интернета. Они могут предоставить свои конфиденциальные данные, получив запрос от якобы представителя известной компании или банка. Такие пользователи зачастую не проверяют достоверность слов говорящего — не просят прикрепить подтверждающий документ, на задают вопросы, которые должны раскрыть, для чего необходимы конфиденциальные данные, не просматривают официальные сайты и описанные в них контакты, на которые можно ориентироваться, и т. д. Вместо этого они сразу выдают ту информацию, которая нужна киберпреступнику. Определенные характеристики человека, такие как доверчивость, наивность, беспечность, тоже способны причинить ему вред: он может вступить в диалог с незнакомцем, не считая необходимым внимательно прочитать условия пользования тем или иным сайтом (Ткачева, Серова, 2021). Неожиданные события (стихийные бедствия, эпидемии, военные конфликты и т. д.) ставят людей в уязвимое положение, при котором их критичность становится менее выраженной, а доверчивость, самонадеянность, страх и другие качества, делающие людей беззащитными перед киберпреступниками, больше проявляются. Пользуясь этим, киберпреступники распространяют дезинформацию, вымогая при этом деньги, вводят людей в заблуждение, используют их доверие для достижения своих целей (Сейранян, 2025).

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

О.Б. Бовть и Е.В. Семенова провели исследование кибервиктимного поведения молодежи, участниками которого были 120 студентов Севастопольского экономико-гуманитарного института (филиала) «Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского». В ходе исследования студентам предоставляли такие методики, как: 1) «Экспресс-диагностика уровня самооценки» Н.П. Фетискина; 2) «Личностный опросник ЕРІ» Г. Айзенка. Было выявлено, что кибервиктимность людей выражается неадекватной самооценкой (занесенной или заниженной) и эмоциональной лабильностью, которая сопровождается холерическим и меланхолическим типом темперамента (Бовть, Семенова, 2019). Действительно, люди с адекватной самооценкой не станут реагировать, к примеру, на оскорбительные комментарии, очевидные манипуляции, сомнительные сообщения. Конечно, они также сталкиваются с киберпреступниками, но реже, чем люди с занесенной/заниженной самооценкой, так как играть на чувствах и эмоциях людей с нестабильной самооценкой гораздо проще. Разбирая результат исследования людей с эмоциональной лабильностью, также можно отметить, что холерики больше склонны к эмоциональным решениям и резким перепадам настроения, от вспышки гнева до проявления активности. Задев их гордость или оскорбив их, киберпреступник привлекает их внимание и проворачивает манипулятивные схемы для достижения своих целей. Например, испытав агрессию холерику, киберпреступник может начать завербовывать кибержертву в кибертеррористическую организацию, пользуясь его эмоциональностью и повышенной агрессивностью. То же самое касается меланхоликов: объявления о помощи животным/людям, о срочных денежных сборах для них или же, например, подписание петиции для восстановления справедливости в недавно открытом судебном деле — все это привлекает внимание меланхоликов через их умение сопереживать и искреннюю жалость, желание помочь и поддержать. Такие пользователи нуждаются в поддержке и ранимы, чем киберпреступники, конечно, пользуются и, придавая чувство значимости пользователю-меланхолику, предлагают ему вступить в смертельную игру, закамуфлированную под иллюзию общего пространства, где пользователи с разными жизненными ситуациями объединяются и готовы поддержать друг друга.

Существует также гипотеза о том, что человек, бывший когда-то кибержертвой, склонен отомстить киберпреступнику тем же методом. Поскольку он оказался в позиции кибержертвы и не смог это принять, он желает совершить возмездие и не оставить киберпреступника безнаказанным. Только вот бывают случаи, когда человек, желающий отомстить, со временем, сам того не замечая, «втягивается в игру» и совершает киберпреступления по отношению к невинным людям, тем самым превращаясь в киберпреступника, осознанно или нет (Van den Eynde, Pleysier, Walrave, 2023). Исходя из желания отомстить, человек может перейти в онлайн и действовать непосредственно в реальной жизни. Отмечается, что дети, к которым жертвы агрессии обращаются за поддержкой, могут усугубить их вторичную виктимизацию, пытаясь избежать внимания со стороны пострадавших, чтобы не ассоциироваться с ними. Низкий уровень дружелюбия со стороны жертв и их повторная виктимизация могут привести к тому, что они сами становятся агрессорами. В контексте кибербуллинга наблюдается аналогичная ситуация: кибервиктимизация является важным фактором, способствующим киберагgressии (Вихман, 2023).

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

Таким образом мы рассмотрели основные психологические и социальные факторы кибервиктимного поведения, а также его мотивационные корреляты, что подводит нас к решению задачи: как сберечь себя и других от превращения в кибержертву и проявления кибервиктимности.

Цель настоящей работы: анализ исследований о чертах личности, которые имеют связь с кибервиктимизацией.

Гипотеза. Ключевые черты из модели личности Большой пятерки (т. е. экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыта) жертв киберпреступности отличаются от аналогичных черт жертв традиционной преступности.

Материалы и методы

Методы

- 1) Шкала кибервиктимизации Д.В. Жмурова;
- 2) Шкала оценки формирующейся взрослости (IDEA-R) (адаптировано по: Reifman et al., 2007);
- 3) Краткая версия Big Five Inventory-2 (BFI-2-S).

В проведенном эмпирическом исследовании приняли участие студенты от 18 до 25 лет (что соответствует формирующейся взрослости), обучающиеся в различных вузах Москвы по разным направлениям подготовки. Общее количество респондентов составило 64 человека: 32 респондента мужского пола и 32 — женского. Исследование было проведено при полном согласии респондентов. Каждый участник исследования был ознакомлен с целью проведения опроса и с краткой характеристикой каждой методики, используемой в опросе. Испытуемый мог отказаться от участия на любой стадии исследования. Ответы респондентов конфиденциальны. Для анализа данных был использован корреляционный метод математической статистики. Основная обработка данных проводилась с использованием программного обеспечения JASP. Для создания таблиц, а также для дополнительной обработки данных использовался Microsoft Excel.

Результаты

После получения результатов опросных методик, была проведена корреляция по Пирсону между шкалами из двух методик (Шкала кибервиктимизации Д.В. Жмурова и Краткая версия Big Five Inventory-2 (BFI-2-S)). Корреляция показала результаты, представленные ниже (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Результаты корреляционного анализа между шкалой «Кибервиктимность» и шкалами «Большой пятерки»

Results of the correlation analysis between the Cybervictimization scale and the Big Five scales

Показатели ОБП (шкала BFI-2-S) / BFI-2-S scale	Значения коэффициента корреляции Пирсона / Pearson's correlation coefficient values
--	---

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
 Черты личности как предиктор кибервиктимности
 (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
 кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
 Personality traits as predictors of cybervictimization (a
 study of the correlation between the Big Five traits and
 cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 133—149.

	Кибервиктимность / Cybervictimization
Экстраверсия / Extraversion	- 0,09
Доброжелательность / Friendliness	- 0,01
Добросовестность / Integrity	0,33*
Негативная эмоциональность / Negative emotionality	- 0,05
Открытость опыту / Openness to experience	0,10
Настойчивость / Persistence	0,23
Сочувствие / Empathy	0,12
Уважительность / Respect /	0,15
Доверие / Trust	- 0,23
Организованность / Organization	- 0,22
Продуктивность / Productivity	- 0,31*
Ответственность / Responsibility	- 0,22
Тревожность / Anxiety	- 0,21
Депрессивность / Depression	0,07
Эмоциональная изменчивость / Emotional volatility	0,01
Любознательность / Curiosity	0,13
Эстетичность / Aesthetics	0,19
Творческое воображение / Creative imagination	- 0,14

Примечание: ОБП — Опросник «Большой пятерки»; «*» — $p < 0,05$; критические значения коэффициента — $p < 0,05—0,246$.

Note: BFI — Big Five Personality Inventory; «*» — $p < 0,05$; critical values of the coefficient — $p < 0,05—0,246$.

Исходя из полученных данных, мы видим обратную зависимость между шкалами «Кибервиктимизация» и «Добросовестность» (-0,33), т. е. по мере увеличения значения переменной «Кибервиктимизация» уменьшается значение второй переменной — «Добросовестность», и наоборот. Соответственно, если у респондента высокий балл по шкале «Добросовестность», то проявление кибервиктимизации у него будет менее выраженным: «Добросовестность» подразумевает осторожное и безрисковое поведение пользователя в киберпространстве; он избегает незнакомых сайтов, не переходит по ссылкам, присланным незнакомцами, и не переводит деньги на сомнительные номера. Также предполагается, что «Добросовестность» интернет-пользователя означает качественное времяпрепровождение в сети, без импульсивных действий (например, желание нанести какому-либо пользователю вред через киберпространство). Такие пользователи склонны регулярно обновлять свои антивирусные программы и избегать скачивания пиратского контента, что дополнительно защищает их от вредоносного ПО. Они также внимательно следят за своей активностью в сети, проверяя наличие активных сеансов и подозрительных операций в банковских приложениях.

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

Стоит отметить, что шкала «Добросовестность» включает в себя такие субшкалы, как организованность, продуктивность, ответственность. Показатель по шкале «Добросовестность» характеризует степень вероятности кибервиктимизации респондента. Люди, которые являются более добросовестными, имеют меньший риск стать жертвой киберпреступности¹. Отметим, что три черты личности — добросовестность, эмоциональная стабильность и открытость опыта — также значительно связаны с виктимизацией при онлайн-преступности. Сходство результатов по киберпреступности и преступности в целом указывает на то, что эти черты личности не связаны конкретно с кибервиктимизацией, а, скорее, с виктимизацией вообще.

При проведении данной корреляции выявлена еще одна обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Продуктивность» (-0,312) — она предполагает, что если у респондента будет высокий показатель по шкале «Продуктивность», то его «Кибервиктимность» будет выражена меньше, и также наоборот. Высокий показатель субшкалы «Продуктивность» характеризует респондента как человека, экологично пользующегося интернет-пространством: он выполняет свои намеченные задачи в сети, не ориентируясь на окружающий его в информационный поток. Данная шкала определяет, насколько эффективно респондент управляет своим временем и ресурсами, а также как он справляется с задачами. Высокие баллы по этой шкале также указывают на то, что человек склонен к систематичному подходу. К тому же при повышенном показателе шкалы «Продуктивность» предполагается, что пользователь в сети будет более внимателен. Он активно ставит перед собой четкие цели в онлайн-пространстве и последовательно их достигает, что снижает вероятность попадания в ситуации, способствующие кибервиктимности. Такие пользователи, как правило, более осознанно подходят к выбору информации и ресурсов и избегают ненадежных источников.

Для выявления взаимосвязи между шкалой онлайн-виктимизации и шкалами формирующейся зрелости был также проведен корреляционный анализ Пирсона между шкалами двух методик (шкала онлайн-виктимизации Д.В. Жаморова и IDEA-R (адаптировано по: Reifman et al., 2007)), который выявил данные, представленные в табл. 2. На основании полученных данных мы видим обратную зависимость между шкалами онлайн-виктимизации и шкалами исследования идентичности / самофокусировки (-0,265), что свидетельствует о том, что с увеличением индекса такой переменной, как исследование идентичности / самофокусировка, другая переменная, в данном случае онлайн-виктимизация, будет снижаться, и наоборот.

Таблица 2 / Table 2

**Показатели корреляции между шкалой «Кибервиктимность» и шкалами оценки
формирующейся взрослости (IDEA-R)**
**Correlations between the Cybervictimization Scale and the Inventory of Emerging Adulthood
Assessment-R (IDEA-R)**

¹ Van de Weijer, S.G.A., Leukfeldt, E.R. (2017). Big five personality traits of cybercrime victims. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 20(7), 407—412.

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
 Черты личности как предиктор кибервиктимности
 (исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
 кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
 2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
 Personality traits as predictors of cybervictimization (a
 study of the correlation between the Big Five traits and
 cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
 2(4), 133—149.

Показатели ОФВ (шкала IDEA-R) / EAA(IDEA-R scale)	Значения коэффициента корреляции Пирсона / Pearson's correlation coefficient values
Кибервиктимность / Cybervictimization	
Исследование идентичности/сосредоточенность на себе / Identity exploration/self-focus	- 0,26*
Негативность/неустойчивость / Negativity/instability	0,03
Личная свобода / Personal freedom	- 0,18
Эксперименты/возможности / Experimentation/opportunity	- 0,34**
Чувство «между» / Feeling “in between”	- 0,20
Ориентация на других / Other-focused	- 0,11

Примечание: ОФВ — оценка формирующейся взрослости; «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; критические значения коэффициента — $p < 0,05$ —0,246; $p < 0,01$ —0,320.

Note: EAA — emerging adulthood assessment; «*» — $p < 0,05$; «**» — $p < 0,01$; critical values of the coefficient — $p < 0,05$ —0,246; $p < 0,01$ —0,320.

Если пользователь заинтересован в своем развитии и в своих потребностях, целях, желаниях и т. д., то вероятность проявления им кибервиктимности низка. Также высокий показатель по шкале «Исследование идентичности / сосредоточенность на себе» определяет человека как способного отстаивать свою систему ценностей, и в ситуации, когда он наткнется на что-либо сомнительное и рискованное, он вряд ли предпочтет последовать по этому пути, ведь ему нужен положительный отклик внутри себя на ситуацию и ее дальнейшее развитие, а риск сам по себе не предполагает исключительно позитивный исход в каком бы то ни было сюжете. Высокий показатель по данной шкале предполагает развитие также и критического мышления, что может не только значительно снизить риск кибервиктимности, но и повысить общую устойчивость к неблагоприятным внешним воздействиям. Между шкалами кибервиктимизации и экспериментирования/возможностей была обнаружена обратная зависимость (-0343), что говорит о том, что с ростом балла по шкале кибервиктимизации балл по шкале экспериментирования/возможностей снижается.

Субшкала экспериментирования/возможностей указывает на оптимистичный взгляд на будущее и потенциал человека. Это означает, что респонденты, заинтересованные в позитивных будущих возможностях, с меньшей вероятностью станут кибержертвами. Люди стремятся к тому, что принесет им пользу в будущем, хотят создать наилучшие условия для своего развития и ищут наиболее позитивные варианты, поэтому риск не воспринимается ими как нечто привлекательное. Важно то, что человек с высоким баллом по шкале «экспериментирования/возможности» не просто открыт для экспериментов, креативен и

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

свободен исследовать новые направления; он видит возможности через призму оптимизма и позитивного результата: при наличии потенциальной опасности или обнаружении риска он не будет безрассудным. Для него важно, чтобы эксперименты всегда были выгодны.

Обсуждение результатов

Исследование подтверждает, что кибервиктимность у молодых людей имеет взаимосвязь с чертами «Большой пятерки» и с показателями формирующейся взрослости, а именно:

1) Обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Добросовестность». Кибервиктимные пользователи подвержены риску через их интерес к новым, неизвестным ранее рассылкам/сайтам/афишам и т. д. «Добросовестность» как отдельная шкала содержит в себе субшкалы: организованность, продуктивность, ответственность. Соответственно, пользователь с высоким показателем по данной шкале характеризуется внимательным отношением к своим перемещениям в сети, и сомнительные письма или рекламные афиши не привлекут его. Возможно, при переходе по какой-то ссылке или при открытии неизвестного ранее сайта он наткнется на какие-либо подозрительные аспекты, но, учитывая черты его личности, он будет сомневаться в правильности дальнейшего рассмотрения этого сайта/ссылки и т. д. Вероятно, что организованность и ответственность данных пользователей проявляются в том, что они устанавливают надежные пароли, используют двухфакторную аутентификацию и демонстрируют сознательность в отношении конфиденциальности своих данных.

2) Обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Продуктивность». Учитывая, что «Продуктивность» является субшкалой шкалы «Добросовестность», стоит отметить, что здесь механизм тот же. Интернет-пользователи с высоким показателем по шкале «Продуктивность» нацелены на плодотворную работу в киберпространстве и на качественное выполнение необходимых им задач — соответственно, у них не проявляется спонтанность/импульсивность, которая может привести к кибервиктимному поведению. Они склонны к структурированному подходу в своих действиях и избегают рискованных ситуаций в сети. К тому же они более осмотрительны при выборе источников информации и менее подвержены манипуляциям или мошенничеству. Таким образом, чем выше продуктивность, тем ниже вероятность стать жертвой кибератак или мошеннических схем, поскольку эти пользователи лучше осознают последствия своих действий и стремятся к рациональному использованию времени и ресурсов в киберпространстве.

3) Обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Исследование идентичности / сосредоточенность на себе». Осознанность в отношении своих ценностей и целей способствует более устойчивому поведению в условиях риска, к тому же при высоком показателе по данной шкале пользователи, вероятно, менее восприимчивы к манипуляциям в киберпространстве, так как они склонны принимать более обоснованные решения, которые минимизируют риски в дальнейшем.

4) Обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Эксперименты/возможности». Люди с высоким показателем шкалы

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

«Эксперименты/возможности» чаще рассматривают различные пути достижения своих целей и обладают более развитым критическим мышлением. Это качество позволяет им более тщательно анализировать предложения, возникающие в сети, и избегать мошеннических схем. Такие пользователи умеют распознавать потенциальные ловушки и риски и, в отличие от кибервиктимных пользователей, подходят к новым возможностям с осторожностью и осознанностью.

Итак, осторожные, внимательные ко всем деталям в киберпространстве пользователи менее подвержены кибервиктимному поведению. В случае, когда пользователь сети проявляет импульсивность и рассеянность, когда он безответственно относится к вероятным рискам в Интернете, он подвержен высокому проявлению кибервиктимности. Также стоит отметить, что пользователь, осознающий вероятности возникновения рисков и мошеннических систем, будет стараться их избегать.

Заключение

В эпоху активного развития технологий и киберпространства большинство интернет-пользователей не понаслышке знают о том, что преступления распространяются и на киберпространство. Киберпреступления с каждым годом обретают все более и более изощренные формы, отчего вычислить их становится все труднее. Учитывая тот факт, что процент раскрываемости киберпреступлений правоохранительными органами в настоящее время остается небольшим, каждому пользователю стоит самому взяться за обеспечение собственной кибербезопасности. Для этого мы исследовали кибервиктимное поведение формирующихся взрослых и то, какие именно характеристики личности связаны с проявлением кибервиктимности.

Исследование корреляции черт «Большой пятерки» и кибервиктимного поведения среди формирующихся взрослых предполагало: выявление возрастно-психологических особенностей кибервиктимного поведения молодых людей, а вместе с тем и проведение теоретического анализа характеристик кибервиктимного поведения среди них; выявление подтвержденной информации касательно влияния некоторых черт «Большой пятерки» и показателей формирующейся взрослости на формирование и закрепление кибервиктимного поведения; экспериментальную проверку этого влияния; проведение анализа полученных результатов.

Исследование показало, что кибервиктимное поведение среди формирующихся взрослых имеет обратную взаимосвязь с такими чертами «Большой пятерки», как «Добросовестность» и «Продуктивность». Также наблюдалась обратная взаимосвязь между шкалами «Кибервиктимность» и «Эксперименты/возможности» среди формирующихся взрослых. Мы пришли к выводу о том, что организованность и ответственность пользователей с высокими показателями по шкалам «Добросовестность» и «Продуктивность» проявляются в том, что они устанавливают надежные пароли, используют двухфакторную аутентификацию и демонстрируют сознательность в отношении конфиденциальности своих данных. К тому же при высоких показателях шкалы «Эксперименты/возможности» отмечается, что пользователи рассматривают различные пути достижения своих целей и обладают более развитым критическим мышлением. Это качество позволяет им более тщательно анализировать предложения, возникающие в сети, и избегать мошеннических схем.

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

При помощи описанных методических аспектов исследования кибервиктимного поведения и полученных результатов исследователи и практики могут использовать новый валидный и надежный инструментарий для изучения и развития кибервиктимологии.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на более широкий охват изучения кибервиктимного поведения среди формирующихся взрослых, так как настоящее исследование имело ограничение в выборке. Далее возможно расширение возрастного диапазона и количества испытуемых.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов для разработки программ, направленных на выявление степени выраженности кибервиктимного поведения у интернет-пользователей. Также практическая значимость характеризуется работой по предотвращению кибервиктимного поведения у формирующихся взрослых.

Перспективы исследования. Исследование является значимым для проведения новых научных работ, охватывающих большее количество респондентов (в том числе разных возрастов), что позволит раскрыть вопрос степени проявленности кибервиктимного поведения не только у формирующихся взрослых. Этот аспект особенно важен в условиях цифровизации, где риски, связанные с кибервиктимизацией, все больше и больше дают о себе знать. Также при использовании полученных практически значимых результатов вероятно дальнейшее развитие кибервиктимологии.

Ограничения. Ограничение данного исследования заключается в выборке — дальнейшие возможные исследования могут расширить возрастной диапазон и количество испытуемых. С помощью описанных методических аспектов исследования кибервиктимного поведения и полученных в последующем результатов исследователи и практики смогут использовать новый валидный и надежный инструментарий для изучения и развития кибервиктимологии.

Limitations. A limitation of this study is its sample size; future studies could expand the age range and sample size. Using the described methodological aspects of cybervictim behavior research and the resulting results, researchers and practitioners can use new valid and reliable tools to study and develop cybervictimology.

Список источников / References

1. Аносов, А.В. (2021). Современные тенденции развития цифровой криминологии. *Академическая мысль*, 4(17), 56—59.
Anosov, A.V. (2021). Modern trends in the development of digital criminology. *Academic Thought*, 4(17), 56—59.
2. Белинская, С.В., Ван, Ш.Л., Величковский, Б.Б., Войскунский, А.Е., Евдокименко, А.С., Емелин, В.А. (2019). О некоторых психологических механизмах формирования кибервиктимного поведения молодежи. В: Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: сборник научных трудов, Севастополь: Рибест.
Belinskaya, S.V., Wang, Sh.L., Velichkovsky, B.B., Voiskunsky, A.E., Evdokimenko, A.S., Emelin, V.A. (2019). On some psychological mechanisms of formation of cyber-victim

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

- behavior of young people. In: *Management in the context of global world transformations: economics, politics, law: collection of scientific papers*. Sevastopol: Ribest.
3. Бовть, О.Б., Семенова, Е.В. (2019). Исследование кибервиктимного поведения молодежи и направления обеспечения кибербезопасности. В: *Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: сборник научных трудов, Севастополь*: Рибест.
  - Bovt, O.B., Semenova, E.V. (2019). A study of cyber-victim behavior of young people and directions of ensuring cybersecurity. In: *Management in the context of global world transformations: economics, politics, law: collection of scientific papers*, Sevastopol: Ribest.
  4. Вихман, А.А. (2023). Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте. *Психология и право*, 13(1), 94—106.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130107>
Vikhman, A.A. (2023). Personality predictors of cybervictimization and cyberbullying in adolescence. *Psychology and Law*, 13(1), 94—106.
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130107>
  5. Жакупжанов, А.О. (2019). Виктимологические факторы киберпреступности. *Алтайский юридический вестник*, 3, 75—82.
Zhakupzhanov, A.O. (2019). Victimological factors of cybercrime. *Altai Law Bulletin*, 3, 75—82.
  6. Майоров, А.В. (2022). Влияет ли цифровизация на виктимизацию в современном обществе? *Виктимология*, 9(2) 148—156. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2022-19202>
Mayorov, A.V. (2022) Does digitalization influence victimization in modern society? *Victimology*, 9(2) 148—156. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2022-19202>
  7. Никульченкова, Е.В. (2023). Трансформация киберпреступности: современные угрозы и их предупреждение. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 20(3), 96—105.
[https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(3\).96-105](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(3).96-105)
Nikulchenkova, E.V. (2023). Transformation of cybercrime: modern threats and their prevention. *Bulletin of Omsk University. Series Law*, 20(3), 96—105.
[https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20\(3\).96-105](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2023.20(3).96-105)
  8. Позднякова, М.Е., Брюно, В.В. (2024). Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза. *Вестник Института социологии*, 15(4), 235—254. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.12>
Pozdnyakova, M.E., Bruno, V.V. (2024). Development of the information-network environment and deviant behavior: cybercrime as a new social threat. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 15(4), 235—254. <https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.12>
  9. Сейранян, А.О. (2025). Исследование корреляции черт формирующейся взрослости и кибервиктимного поведения среди молодежи. В: *VI Международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов по устойчивому развитию, инвестициям и финансовым рискам «Финатлон форум»: Материалы конференции* (с. 196—200).
Сейранян, А.О. (2025) A study of the correlation between emerging adulthood traits and cyber-victim behavior among young people. In: *VI International Scientific and Practical*

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

- Conference of Young Scientists and Specialists in Sustainable Development, Investments, and Financial Risks “Finathlon Forum”: Conference Proceedings* (pp. 196—200). Moscow.
10. Ткачева, Н.В., Серова, Е.Н. (2021). Виктимология и киберпреступность в России. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право*, 21(3) 19—23. <https://doi.org/10.14529/law210303>
- Tkacheva, N.V., Serova, E.N. (2021). Victimology and cybercrime in Russia. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 21(3) 19—23. <https://doi.org/10.14529/law210303>
11. Jaishankar, K. (2020). Cyber victimology: A new sub-discipline of the twenty-first century victimology.In: Joseph, J., Jergenson, S. (Eds.), *An international perspective on contemporary developments in victimology* (pp. 3—19). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-41622-5_1
12. Kaluarachchi, C., Sedera, D., Warren, M. (2021). An Investigative Model of Adult Cyberbullying: A Court Case Analysis, *arXiv preprint arXiv:2111.04446*, URL: <https://arxiv.org/pdf/2111.04446.pdf> (viewed: 12.04.2025)
13. Hawdon, J., Parti, K., Dearden, T.E. (2020). Cybercrime in America amid COVID-19: The initial results from a natural experiment. *American Journal of Criminal Justice*, 45(4), 546—562. <https://doi.org/10.1007/s12103-020-09534-4>
14. Lawrence, E. (1979). Cohen and Marcus Felson Source. *American Sociological Review*, 44(4), 588—608. <https://doi.org/10.2307/2094589>
15. Van den Eynde, S., Pleysier, S., Walrave, M. (2023). Non-consensual dissemination of sexual images: The victim-offender overlap. *Social Sciences & Humanities Open*. 8(1), 100611. <https://doi.org/10.1016/j.ssho.2023.100611>
16. Bayat, F., Kiani, Q., Asadi, M. (2021). The Role of Personality Traits in Predicting Cyber-Bullying in Second-Year High School Students. *Preventive Counseling*, 2(2), 1—13.

Информация об авторах

Елена Владимировна Камнева, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГОБУ ВО, Финуниверситет), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6165-1339>, e-mail: ekamneva@fa.ru

Маргарита Михайловна Симонова, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГОБУ ВО, Финуниверситет), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2232-6920>, e-mail: mmsimonova@fa.ru

Information about the authors

Elena V. Kamneva, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6165-1339>, e-mail: ekamneva@fa.ru

Камнева Е.В., Симонова М.М. (2025)
Черты личности как предиктор кибервиктимности
(исследование корреляции черт «Большой пятерки» и
кибервиктимного поведения)
Экстремальная психология и безопасность личности,
2(4), 133—149.

Kamneva E.V., Simonova M.M. (2025)
Personality traits as predictors of cybervictimization (a
study of the correlation between the Big Five traits and
cybervictim behavior
Extreme Psychology and Personal Safety,
2(4), 133—149.

Margarita M. Simonova, PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2232-6920>, e-mail: mmsimonova@fa.ru

Вклад авторов

Камнева Е.В. — идея, организация исследования, написание статьи.

Симонова М.М. — сбор данных, обработка данных.

Оба автора приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena V. Kamneva — idea, organization of research, writing an article.

Margarita M. Simonova — data collection, data processing.

Both authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование проведено в соответствии с Хельсинской декларацией и одобрено этической комиссией совета кафедры психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (протокол № 4 от 12.11.2025).

Ethics statement

The study was conducted in accordance with the Declaration of Helsinki and approved by the Ethics Committee of the Council of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation (report No. 4, 2025/11/12).

Поступила в редакцию 15.11.2025

Received 2025.11.15.

Поступила после рецензирования 20.11.2025

Revised 2025.11.20.

Принята к публикации 16.12.2025

Accepted 2025.12.16.

Опубликована 30.12.2025

Published 2025.12.30.